

Известия - 2005 - 23 марта - с. 14
Одним пианистом больше

ФОТО: ИГОРЬ ЗАХАРКИН «ИЗВЕСТИЯ»

Фестиваль памяти Рихтера посетила норвежская звезда, пианист **Лейф Ове Андснес**

ЕКАТЕРИНА БИРЮКОВА

В Москве прошел фестиваль «Приношение Святославу Рихтеру», посвященный 90-летию великого пианиста. В нем приняли участие многие близкие Рихтеру и прекрасно знакомые московской публике отличные музыканты — Наталия Гутман, Елизавета Леонская, Элисо Вирсаладзе, Курт Мазур. Но приятнее всего, что благодаря фестивалю мы узнали еще одного — молодого норвежского пианиста Лейфа Ове Андснеса.

Про норвежскую звезду нового поколения Московской филармонии, организовавшей фестиваль, рассказал Михаил Плетнев. Сам он скромно принял в нем участие лишь в качестве дирижера своего Российского национального оркестра, под аккомпанемент которого Лейф Ове Андснес исполнил два заигранных шлягера — Фортепианный концерт Грига и Второй фортепианный концерт Рахманинова. Можно было спорить, кто кому больше служил аккомпанементом — дирижер солисту или наоборот (очень уж хорош был РНО). Но суть от этого не меняется — на сцене в этот вечер, удачно совпавший непосредственно с днем рождения Рихтера (20 марта), сошлись два идеально понимающих друг друга музыканта, а публика получила пару часов простого человеческого счастья.

Оба фортепианных концерта принадлежали к числу фирменных сочинений из

репертура романтического и, одновременно, волевого Рихтера. Сыграть что один, что другой в наше изъеденное рефлексией время без приторности, банальности и сумасбродства — занятие сложное и умным людям в голову редко приходящее. Если бы, к примеру, за рояль ради них уселся одолеваемый скепсисом и тяжелыми раздумьями Плетнев, то у него, безусловно, получилось бы нечто болезненно-интересное, но явно не то, что имели в виду Григ и Рахманинов. А вот в компании с позитивным, чутким и гармоничным Андснесом получилось самое оно — свежая, красивая, тонкая и взволнованная музыка, которую при этом совсем не стыдно слушать.

Этот вечер, ставший кульминацией фестиваля, разделил его на две неравные части. Первая, побольше, носила мемориальный характер и состояла из выступлений тех музыкантов, кто так или иначе был связан с легендарным «кругом Рихтера». Ее хедлайнером был немецкий дирижер-патриарх Курт Мазур, в свое время немало игравший с пианистом, а на этот раз встретившийся на сцене Большого зала консерватории с оркестром имени Чайковского (Первая симфония Шостаковича и Шестая Чайковского) и двумя рихтеровскими любимцами — пианисткой Елизаветой Леонской (Второй концерт Брамса) и виолончелисткой Наталией Гутман (Концерт Дворжака).

Вторая половина фестиваля к рихтеровскому окружению отношения не имела и состояла, собственно, только из двух, зато каких любопытных программ — Андснеса с Плетневым и Андснеса с Кремером и небольшой группой кремеровских единомышленников. Норвежец, таким образом, покрасовался в разных ипостасях — и в крупном жанре, и в камерном, проявив буквально рихтеровскую многогранность. В эту многогранность поверилось не сразу — начало заключительного концерта фестиваля, посвященное музыке Шумана, выдалось довольно скучное. Зато финал, для которого был припасен совсем, казалось бы, не располагающий к удовольствию Квинтет Шнитке, оказался блестящий. Выстраиванием и выкраиванием всех перипетий его — как всегда у Шнитке — драматического сюжета про банальное и высокое занимались маэстро Гидон Кремер (скрипка), его давняя партнерша Татьяна Гринденко (скрипка), его молодые воспитанники из оркестра «Kremerata Baltica» Ула Улиона (альт) и Кристина Блаумане (виолончель), а пуще всех — обладатель огромной палитры фортепианных оттенков Лейф Ове Андснес. В результате банального не стало вовсе, а вместо привычной, депрессивной, утрюмой и двухмерной шнитковской конструкции образовалась свежая, тонкая, взволнованная, местами светлая, местами пронзительная музыка, которую совсем не больно и не скучно слушать.